

Т.В. Смирнова

ДОМ НА ВАЛОВОЙ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ **1920-е годы в Сергиевом Посаде**

Занимаясь темой «Князья Трубецкие в нашем крае», я узнала о трех семьях, которые жили некоторое время в Сергиевом Посаде в одном доме и были связаны не только родственными, но и духовными узами. Это семьи, графов Олсуфьевых, Мансуровых и графов Комаровских.

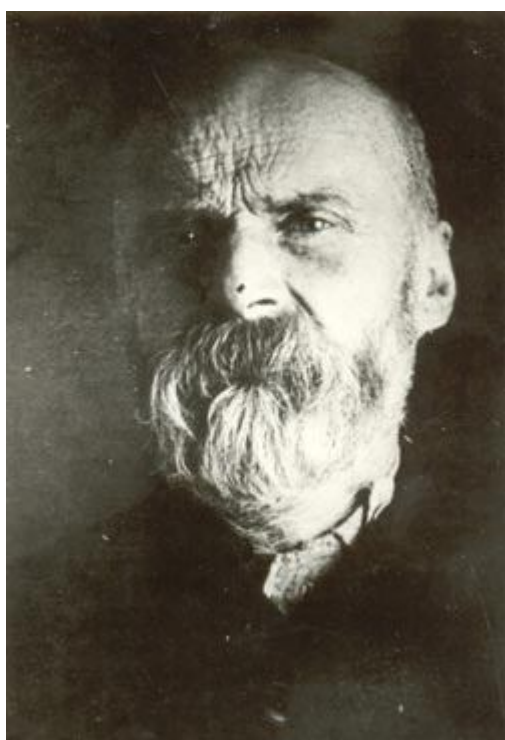
Краткие библиографические сведения о Ю.А. Олсуфьеве были приведены в «Московском журнале» (1992. № 3) и опубликован отрывок из воспоминаний князя С.М. Голицына о семье Олсуфьевых (1993. № 1). Но мне кажется, что в предлагаемом мной материале есть весьма интересные штрихи к портретам Ю.А. и С.В. Олсуфьевых, особенно благодаря воспоминаниям графини А.В. Комаровской (рукопись воспоминаний она передала в Сергиево-Посадский историко-художественный музей-заповедник).

Дом на Валовой улице в Сергиевом Посаде, купленный Ю.А. Олсуфьевым. Фото 1996 г.

Сведения о Мансурове коротко изложены в предисловии к его «Очеркам из истории Церкви («Даниловский благовестник»). Новые штрихи к его портрету, на мой взгляд, дают неопубликованные воспоминания его жены и Т.В. Розановой. Машинописные копии этих воспоминаний тоже передала в наш музей графиня Комаровская.

Сведения о графе В.А. Комаровском, достаточно обширные, опубликованы в малораспространенных журналах «Даниловский благовестник» и «Златоуст».

Юрий Александрович Олсуфьев.
Фото из следственного дела

В послереволюционные годы в Сергиевом Посаде поселились многие известные дворянские семьи: Трубецкие, Олсуфьевы, Нарышкины, Иловайские, Истомины, Мансуровы, Комаровские, Шаховские. Первыми приехали Олсуфьевы. Граф Юрий Александрович Олсуфьев ранней весной 1917 года покинул свою усадьбу, приехал в Сергиев Посад и купил двухэтажный дом на Валовой улице. Этот самый обычный дом, правда, порядком обветшавший, цел и сейчас.

Вот как вспоминает его А.В. Комаровская – племянница жены Ю.А. Олсуфьева, побывавшая в Сергиевом Посаде впервые в 1922 году: «При близости к центру все это место было тихим и укромным. Окнами и крыльцом второго этажа дом выходил на улицу. Справа от него за глухой оградой был сад с тенистыми липами, куда выходили два балкона: верхний и нижний. Сад переходил в участок, засаженный яблонями, с огородом и зарослями малины, среди которых шла дорожка, кончавшаяся скамейкой над спуском к небольшому пруду, заросшему ряской. Все замыкалось

небольшой полоской земли за прудом, только чтобы его обойти. По ней шел забор, за которым тек ручеек, а за ним пригорок и поле с огородами, через которое можно было пройти к первой железнодорожной будке и ближайшему лесу. С правой стороны поля у переезда глухо шумела небольшая текстильная, бывшая Зайцевская, фабрика. С левой стороны пруда стояла небольшая бревенчатая баня, а прямо за домом был двор с двумя каменными сараями, где помещались корова, лошадь, сеновал, дрова. Рядом с ними – погреб. Все вместе было образцом городской усадьбы со всем необходимым хозяйством.

Сейчас это место вытоптано, оголено, и нельзя понять, что раньше здесь было столько разных уголков и солнечных, и тенистых...»¹.

Но почему же Олсуфьевы приехали в Сергиев Посад? Произошло это вскоре после Февральской революции. Граф покинул свою усадьбу в Буйцах Тульской губернии и, взяв жену, сына да две иконы, отправился сначала в Оптину пустынь к их духовнику старцу Анатолию, потом с его благословения – в Сергиев Посад, «под покров Преподобного»². Очевидно, что выбор Сергиева Посада был неслучаен. Усадьба Буйцы расположена на слиянии рек Буйчика и Непрядвы, рядом с Куликовым полем. Часть земель отец

Софья Владимировна Олсуфьева.
Фото конца 1930-х гг.

Юрия Александровича отдал под строительство храма-памятника Сергию Радонежскому. Строительство велось под наблюдением и при участии Ю.А. Олсуфьева. Жена графа Софья Владимировна³, учредила монастырскую общину и мастерские шитья, сама вышивала для храма хоругви и плащаницу. Автором проекта храма был А.В. Щусев⁴. Освящен был храм в 1918 году.

Видимо, это был один из последних храмов в России, выстроенных перед 70-летним перерывом. К 600-летию Куликовской битвы храм реставрировали, но имя Олсуфьева в ту пору не упоминалось.

В Сергиевом Посаде Олсуфьев уже с 1918 года стал работать в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, а затем – в Сергиевском историко-художественном музее. Жена и сын помогали ему готовить к изданию древние рукописи. За десять лет Олсуфьев опубликовал более 20 работ с описаниями художественных коллекций Лавры и стал выдающимся специалистом в области музейного дела и реставрации.

«В начале 1920-х годов Ю.А. Олсуфьеву было 40 с небольшим лет, – вспоминает А.В. Комаровская. – Не очень высокого роста, с сосредоточенным и живым лицом, он был похож на красивого крестьянина, когда в зимнее время, в старенькой рыжей барашковой шапке и коричневой куртке со знанием дела запрягал лошадь или пилил дрова...

Помню дядю Юру всегда занятым по хозяйству или спешащим стремительно в Лавру на работу. Он держался несколько в стороне от большого круга знакомых, съехавшихся в это время в Сергиев Посад. И случалось, что совсем не выходил к гостям, которых принимала одна жена его. Поэтому, вероятно, некоторые считали его нелюдимым, хотя это было совсем не так. В этом сказывалось его нежелание отвлекаться и рассеиваться в общих разговорах.

Софья Владимировна была тогда молодой, но давно себя такой не считала. Она очень рано вышла замуж и в начале 1920-х годов была уже матерью взрослого сына. Высокая, худощавая, немного смуглая --- такой изобразил ее Валентин Серов. Кажется, художник передал главные ее черты – великолепную простоту, полное отсутствие фальши и богатую внутреннюю жизнь. На портрете она причесана по моде 1910-х годов, в нарядном летнем платье. Я же помню ее в

В.А. Серов. Портрет С.В. Олсуфьевой.
1911.

черном повязанном назад платке, крайне просто одетой, спешащей на службу в Гефсиманский скит, или же дома, опустившей голову с прямым пробором над работой. Всегда она была быстрой, бодрой, веселой. Главная ее жизнь была в церкви. Подоив утром корову, она спешила в скит к ранней обедне – расстояние от города около трех километров, – так же торопливо возвращалась, чтобы успеть к утреннему чаю мужа перед уходом его на работу. Дальше шел день, наполненный трудами, а летними вечерами они вдвоем еще успевали пойти погулять в поле, начинавшееся в конце улицы, и возвращались в сумерках – бодрые, с букетами в руках.

Они занимали наверху высокие, всегда прохладные комнаты. Наиболее светлые спальня и кабинет были уставлены старинной мебелью и полны памятных художественных предметов. На стенах старинные портреты, картины, рисунки, портрет Софьи Владимировны работы Серова. Перед образами в спальне всегда была зажжена большая лампада. В комнатах было уединенно, тихо, сокровенно. В такой обстановке, полной красивых, ярких и редких вещей, хозяева их жили требовательной к себе, почти суровой, трудовой жизнью»⁵.

Весной 1928 года Ю.А. Олсуфьев почувствовал угрозу ареста. Тогда в городе было арестовано около 80 человек так называемых «церковников». Олсуфьевы просто уехали из Сергиева Посада, затерялись в московских пригородах, переезжая с места на место. Жили в рабочем поселке, деревне. До места работы приходилось добираться и пешком, и на пригородных поездах.

А работал Олсуфьев в Центральных реставрационных мастерских, куда его пригласил Игорь Грабарь как выдающегося специалиста по древнерусской живописи. Олсуфьев выполнял огромный объем работы, часто его посылали в старые русские города, куда он ездил вместе с женой. Один из реставраторов, побывавший с ними в этих поездках, писал, что их жизнь «поражала своей скромностью и нетребовательностью в пище, ограничивавшейся часто вареной мелкой рыбешкой и картофелем, порою даже без растительного масла». В 1934 году реставрационные мастерские были закрыты, но Олсуфьева пригласили в Отдел древнерусской живописи Третьяковской галереи. Их сын Михаил покинул родину еще в 1924 году. Через Дальний Восток и Китай он перебрался в Румынию, потом жил в Париже, умер в 1984 году.

Арестовали Юрия Александровича в 1938 году и расстреляли 14 марта того же года по постановлению тройки при Управлении НКВД СССР Московской области «за распространение антисоветских слухов».

Когда осенью 1941 года возникла угроза взятия Москвы немцами, арестовали большую группу бывших аристократов. В их числе оказалась и С.В. Олсуфьева, которой было уже 57 лет. Она получила 10 лет лагерей. Попала в колонну, которую отправили в Казань. Умерла она в Свияжском концлагере 15 марта 1943 года⁶. В стену монастыря, где находился лагерь, вделаны теперь две известняковые плиты с датами жизни Софьи Владимировны Олсуфьевой и ее родственника князя Владимира

Михайловича Голицына, художника. Они были арестованы одновременно (он в Дмитрове), попали в один лагерь. Он умер у нее на руках.

Уцелел портрет С.В. Олсуфьевой работы В.А. Серова. Из усадьбы Буйцы его взял родственник Олсуфьевых художник П.И. Нерадовский. Потом племянница Ю.А. Олсуфьева продала его в Музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина⁷.

Сергей Павлович Мансуров

Летом 1917 года в Посад приехал Сергей Павлович Мансуров с женой Марией Федоровной. Они заняли первый этаж дома Олсуфьевых на Вальной улице и прожили восемь лет возле Троице-Сергиевой лавры и ее скитов. М.Ф. Мансурова, урожденная Самарина, была внучкой князя Николая Петровича Трубецкого и двоюродной сестрой графини С.В. Олсуфьевой. Но не только родственные отношения связывали эти семьи. Они сблизились во время Первой мировой войны. С.П. Мансуров, освобожденный от воинской повинности по

состоянию здоровья, работал на Кавказе во Всероссийском земском союзе по организации лазаретов для раненых (руководил Кавказским отделением Союза Ю.А. Олсуфьев).

Видимо, по совету Олсуфьева в 1916 году по пути из Тифлиса в Москву в отпуск Мансуровы заехали в Оптиную пустынь. Там произошла их первая встреча со старцем Анатолием, духовником Олсуфьевых. С тех пор до закрытия Оптиной пустыни Мансуровы ездили туда даже в самые тяжелые годы. «Поезда ходили плохо, трудно было пробиться у входа в вагон с не хотевшими нас пускать пассажирами, иногда подолгу сидели на какой-нибудь маленькой станции, от усталости ложились на пол и засыпали с

плетушкой под головой. Плетушка и узелок – смена белья, жестяной чайник, кружка, кусок хлеба, может быть, огурец и холодный картофель...»⁸.

Мария Федоровна Мансурова

С.П. Мансуров закончил философское отделение историко-филологического факультета Московского университета. В его религиозных исканиях большими событиями были посещение весной 1913 года Зосимовой пустыни, находящейся в 20 километрах от Троице-Сергиевой лавры, и знакомство с работой о. Павла Флоренского «Столп и утверждение Истины». Так что переселение в Сергиев Посад не было случайным.

М.Ф. Мансурова писала: «Первая зима (1917–1918 года) у себя дома. С. Мансурову 27 лет. Последние месяцы старой Лавры. Вечерни, а иногда и утрени в Троицком соборе. Старые лаврские напевы, их глубина. Красота собора. В заснеженных лесах – скиты. Торжественная тишина. Лесные поляны. Улицы Посада, белизна снегов, молчание... Большой колокол Лавры и звон в скитах... Дом отца Павла Флоренского в

скромном переулке, в ряду других посадских домов. Образ Флоренского, проходящего среди сугробов. Первые встречи. Подобием монастырской гостиницы, как осуществляемый идеал, была квартира на Вальной улице. Собранные раньше книги с любовью устанавливаются на полках. Сергей Мансуров приступает к прерванной два года назад работе»⁹. Прерванной работой было сочинение по истории Церкви.

С.П. Мансуров вошел в состав Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Т.В. Розанова так вспоминала о первой встрече с ним: «... Ко мне вышел высокий молодой человек, скромно одетый, благообразного вида, шатен, с приятным мягким выражением лица, карими умными большими глазами и с чрезвычайно благородными изящными манерами. Терпеливо и не торопясь объяснял он мне канцелярское дело и показывал, как нужно записывать “входящие” и “исходящие” бумаги. Я была не из понятливых учениц, и мое сердце было тронуто его добротой и снисходительностью чрезвычайно.

Я работала в Комиссии по охране Троице-Сергиевой лавры. Наша канцелярия в то время находилась еще в Митрополичьих покоях. Кругом все веяло стариной. Со стен смотрели из золоченых рам сановные иереи и императрицы былых времен. Паркетный пол блестел. Сама я преважно восседала на высоком старинном кресле и даже на подушках, так как была очень мала ростом.

...В 11 часов дня появлялся в канцелярии Сергей Павлович Мансуров, большей частью с котомкой за плечами. Это он приходит от поздней обедни из Троицкого собора, где находятся мощи преподобного Сергия... Я знаю, что после занятий Сергей Павлович отправится стоять в очереди за хлебом или за картофелем, для чего у него за спиной походная сумка... Олсуфьев, кажется, недоволен его запозданием, но Серей Павлович спокойно садится за стол и принимается за дела...»¹⁰.

Но здоровье С.П. Мансурова было к этому времени уже подорвано. Осенью 1918 года он поехал в теплушке за хлебом и вернулся тяжелобольным гриппом – «испанкой». Доктор предупредил, что может начаться туберкулезный процесс в легком. А в январе 1920 года Мансуров был арестован. Хотели арестовать его отца – видного церковного и общественного деятеля. Вся «вина» Сергея Павловича была в том, что он не хотел сказать, где находится его отец. Десять дней его продержали в очень

плохих условиях в местной тюрьме, потом переправили в Москву на Лубянку, затем в Бутырскую тюрьму. В тюрьме он заболел сыпным тифом, перенес кризис на полу, без медицинской помощи. Потом его положили в больницу, а из больницы снова перевели в общую камеру. Благодаря хлопотам жены через четыре месяца отпустили на свободу, и он вернулся в Сергиев Посад.

В Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры С.П. Мансуров занимается библиотекой Лавры. Одновременно он пишет труд по истории Церкви, «деятельно участвует в скорбях и нуждах друзей, посещает их в больнице, помогает хоронить, ухаживает за больной матерью»¹¹.

С 1922 года по два раза в год у Мансурова были обострения туберкулеза. А в 1924 году он был снова арестован и провел в заключении два месяца. Материально Мансуровы жили очень трудно. «С.П. читал лекции в институте, я давала уроки рисования в школе. То и другое за гроши, за кувшин супа и ложку каши», – вспоминала Мария Федоровна¹². Но последние шесть лет Мансурова в Сергиевом Посаде (от 27 до 33 лет), по словам жены, были «временем большого духовного возрастания»¹³.

Некоторые высказывания Мансурова записала знавшая его в последние годы и находившаяся в дружеских отношениях с их семьей А.В. Романова: «Деятельную любовь надо проявлять около себя, в повседневной жизни, с людьми, с которыми постоянно соприкасаешься, а не ждать какого-либо особого отдаленного случая проявить эту любовь... Надо представлять себе душу человека в виде круга, в котором может быть 0,9 светлых точек и лишь 0,1 темных, и в поле зрения попала именно эта – 0,1. А по ней мы судим о всем круге, забыв, что в нем, может быть, живет исключительно светлая душа»¹⁴.

Весной 1925 года в связи с угрозой нового ареста Мансуровы уехали из Сергиева Посада. В ноябре 1926 года он был посвящен в сан и получил место

священника в Дубровском женском монастыре в двенадцати километрах от города Вереи Московской области. Но обострился туберкулезный процесс, и 2 марта 1929 года в возрасте 29 лет он скончался. Т.В. Розанова писала: «... в гробу передо мной лежал праведник, так много потрудившийся для людей и так умевший любить и прощать. Был Великий пост... Последняя заупокойная обедня “преждеосвященных даров” казалась пасхальной службой. На могилу за гробом шло множество духовенства и народа... Солнце ярко освещало эту торжественную процессию. Снег уже таял. Все говорило о весне, вечной жизни, а не о смерти и тлении... Таков был Сергей Павлович Мансуров, и такова была его праведная кончина»¹⁵.

М.Ф. Мансурова скончалась в Москве в 1976 году

«Очерки из истории Церкви» С.П. Мансурова были опубликованы в 1991–1992 годы в журнале «Даниловский благовестник», а затем вышли отдельной книгой¹⁶. А о библиотеке Лавры Мансуров написал статью для сборника «Троице-Сергиева лавра», выпущенного в 1919 году Комиссией по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Тираж сборника был, по-видимому, уничтожен, уцелело только несколько экземпляров.

В 1923 году в Сергиевом Посаде в доме на Вальной поселилась еще одна семья — семья графа Комаровского. Владимир Алексеевич Комаровский был женат на родной сестре Марии Федоровны Мансуровой.

В.А. Комаровский был художником. Начал он свое художественное образование в Петербурге в Академии художеств, продолжил его в Париже. С 1911 года занимался иконописью. Именно ему Ю.А. Олсуфьев заказал иконостас для храма на Куликовом поле. Это

была его вторая работа такого рода. Впервые он писал иконы для иконостаса храма в имении графа Медем под Хвалынском Саратовской губернии. Но там он работал под руководством известного художника Д.С. Стеллецкого, а иконостас для храма на Куликовом поле выполнял самостоятельно.

**Владимир Алексеевич Комаровский и
Варвара Федоровна Самарина в день свадьбы.
Фото 1 апреля 1912 г.**

Занимался он этой работой в усадьбе Ракша Тамбовской губернии, высылая оттуда иконы Олсуфьеву. В ответ пришла телеграмма, начинавшаяся словами: «Сегодня открыли иконы, поражены красотой...» И дело было не только в высоком мастерстве и совершенном освоении технических приемов иконописи, но прежде всего в глубоком постижении иконы как молитвенного образа.

В одном из писем Комаровский писал: «Икона, написанная хотя бы со вкусом, но без творческого осознания законов иконописного дела, производит впечатление совсем обратное тому, какое она должна производить ... Как бы она ни походила на древнюю икону высокого стиля – она фальшива и тем более, чем более отдельные элементы походят на древние»¹⁷.

От иконостасов, созданных Комаровским, не осталось и следа. Жаль, потому что были они, по всей вероятности, «не повторением древних образцов, не стилизацией под старину, а самостоятельным, творческим православным искусством: традиционным по технике, и строго каноничным, и “оживотворенным”, то есть устремленным к постижению первообраза»¹⁸.

Какое-то представление о творчестве Комаровского-иконописца может дать чудом сохранившаяся Донская икона Божией Матери, написанная им в 1918–1919 годах для часовни, стоявшей недалеко от усадьбы Самариных Измалково (в районе нынешнего поселка Переделкино). Часовню сломали в

В.А. Комаровский.
Донская икона Божией Матери

конце 1920-х годов. Икона исчезла. Оказалось, что ее перевернули и использовали как доску для стола. Дочери художника удалось разыскать ее в одном из сараев в деревне близ Переделкина. Икону реставрировали, и сейчас она находится в Свято-Даниловом монастыре¹⁹.

О. Павел Флоренский, общавшийся с Комаровским, так писал о нем в одном из писем: «Это большой художник, с каждым месяцем делающий шаг вперед. Он ищет конкретное выражение в живописи самого сердца реальности и достиг успехов, в которые трудно поверить, не видя его работ»²⁰.

Во время Первой мировой войны Комаровский, также как и Мансуров, работал на Кавказе по организации лазаретов для раненых под руководством Олсуфьева. После революции Комаровские жили сначала в Измалкове, а когда дальнейшее пребывание там стало невозможным, переехали в Сергиев Посад. Это было в 1923 году. Поселились Комаровские с тремя детьми в нижнем этаже дома на Вальной улице, в квартире Мансуровых. А в верхнем этаже Олсуфьевы отдали Комаровскому самую светлую комнату для занятий живописью.

Владимир Алексеевич Комаровский. Фото из следственного дела 1933 г.

Комаровский поступил на работу в Сергиевский музей. Он делал для музея акварельные копии с памятников древнего шитья XV века, писал для архитектурного отдела виды Лавры. Не оставлял он и занятий иконописью, а также написал несколько портретов, в том числе П.А. Флоренского и Ю.А. Олсуфьева.

Так дом на Валовой, как сказочный терем-теремок, соединил под своей крышей людей, близких не только по родству, но по духу и по их роли в русской культуре.

Но недолго пришлось им жить вместе. Комаровский был арестован уже в начале 1925 года. На защиту художника выступали и архитектор Щусев, и музейный отдел Главнауки, и группа художников, в числе которых были В.А. Фаворский, П.И. Нерадовский (в то время Нерадовский был хранителем Русского музея в Ленинград), И.С. Остроухов, скульптор Н.А. Андреев. 28 крестьян Измалкова, где он в 1919–1922 годах работал учителем рисования в школе, корявыми крупными буквами поставили свои подписи под письмом в защиту Комаровского, пытаясь объяснить властям, что Комаровский не враг. Художники и музейные работники указывали также на то, что художник, «обладающий особенно редким у нас декоративным дарованием ... мог бы с большим успехом быть использован на пользу Республике», что было бы «крайне полезным сохранить художника В.А. Комаровского на той же работе в Сергиевском музее как одного из немногих специалистов в области древневизантийского и русского искусства»²¹.

Но все было напрасно. На допросе Комаровский с наивной откровенностью ответил, что по политическим убеждениям является монархистом. Ничего изменить уже было нельзя. Напрасно он объяснял, что, считая себя монархистом, он не принадлежал ни к каким монархическим обществам и союзам, не интересовался никогда политической жизнью. Он

просто считал, что «монархия есть та форма государственного устройства, которая может соответствовать нравственному идеалу»²².

Комаровского обвинили в принадлежности к контрреволюционной монархической группировке бывшей аристократии и отправили по этапу в ссылку в город Ишим на три года. Чтобы жить и помогать жене, оставшейся без средств к существованию с теми детьми, надо было работать. Но работу найти было трудно. В деле Комаровского сохранилось секретное письмо отдела ОГПУ в Ишиме в отдел Хлебопродукт: «Сообщаю, что в принятии на службу на какую-либо должность вашего учреждения административно-ссылному Комаровскому В.А. отказать под каким-либо предлогом, не давая Комаровскому понять, что в поступлении ему тормозит окружной отдел ОГПУ»²³.

Но даже в этих тяжелых условиях ссылки Комаровский умудрялся не только заработать и послать семье какие-то деньги, полученные от покраски крыш и изготовления вывесок, но и работать для себя. В ссылке он писал картины темперой на фанере. Некоторые послал в Сергиев. По-видимому, почти все они впоследствии пропали.

В 1928 году срок ссылки кончился. Но вернуться в Сергиев Посад Комаровскому было нельзя: как раз в городе прошли большие аресты «церковников». Комаровские поселились в одном из сел неподалеку от родного Измалкова, где и родился у них четвертый ребенок.

Комаровский брался за всякую чертежную и оформительскую работу. Изредка выпадала радость – расписать церковь. Жилось беспокойно. Как-то раз ему чудом удалось избежать ареста: когда за ним пришли, он успел выйти из дома, провел ночь в лесу. Потом заболел воспалением легких. Его укрыли Мансуровы, которые жили тогда в Верее. Арестовали Комаровского в 1930 году, потом еще раз в 1933-м. Последний арест произошел в августе

1937 года. В это время его старший сын Алексей находился в лагере. Его арестовали в 1933 году 18-ти лет. В 1937-м младшему сыну Федору было 8 лет, дочерям Антонине и Софье 21 и 14. Жена Варвара Федоровна тяжело болела. Поражение спинного мозга привело ее к полной неподвижности. Муж кормил ее с ложечки. Когда его уводили, она не могла даже двинуть рукой. Уходя, он сказал ей и детям: «Молитесь Божией Матери».

Алексей Владимирович Комаровский.
Фото из следственного дела 1933 г.

Семье сообщили приговор: «10 лет без права переписки». Они не поняли. Комаровского расстреляли 5 ноября 1937 года на Бутовском полигоне под Москвой.

**В.А. Комаровский. «Божия Матерь “Знамение”». 1936. Картон, гуашь, белила, акварель.
Из церковно-исторического музея Свято-Данилова монастыря**

**В.А. Комаровский. Эскизы стенописей «Архангел» 1936.
Картон, гуашь, белила, акварель.
Из церковно-исторического музея Свято-Данилова монастыря**

---

¹ *Комаровская А.В.* Воспоминания. Ч. 1. Рукопись.

² *Олсуфьев Ю.А.* Буецкий дом, каким мы его оставили 5 марта 1917 года // Наше наследие. 1994. № 31. / Публ. Г.И. Вздорнова

³ *Вздорнов Г.И.* Забытое имя // Памятники Отечества. 1987. № 2.

⁴ Софья Владимировна Олсуфьева, урожденная Глебова (1884–1943), – внучка князя Николая Петровича Трубецкого.

⁵ *Комаровская А.В.* Указ. соч.

⁶ *Вздорнов Г.И.* Из недавнего прошлого одной усадьбы // Наше наследие. 1994. № 29–30.

⁷ *Веселовская М.* Что я помню о Софье Владимировне Олсуфьевой. Рукопись.

⁸ *Мансурова М.Ф.* Письмо к Поле. Рукопись. Пелагея Васильевна Новикова (Поля) жила у Мансуровых в 1914–1919 гг. Письмо написано в конце 1960-х гг.

⁹ *Мансурова М.Ф.* Биографическая канва (Воспоминания о муже). Рукопись.

¹⁰ *Розанова Т.В.* Воспоминания о С.П. Мансурове. 1947. Татьяна Васильевна Розанова – дочь В.В. Розанова, писателя и философа. Семья Розановых приехала в Сергиев Посад в 1917 г. из Петрограда.

¹¹ *Мансурова М.Ф.* Отрывки из воспоминаний о С. Мансурове, относящиеся к 1919–1929 гг. Рукопись.

¹² *Мансурова М.Ф.* Письмо к Поле...

¹³ *Мансурова М.Ф.* Отрывки воспоминаний...

¹⁴ *Романова А.В.* В последний приезд летом (1928 г. За 7 месяцев до смерти С.П. Мансурова). Рукопись.

¹⁵ *Розанова Т.В.* Указ. соч.

¹⁶ *Мансуров Сергей, священник.* Очерки из истории Церкви. М., 1994.

¹⁷ *Зеленская Г.М.* Художник Владимир Комаровский // Даниловский благовестник. 1992. № 4.

¹⁸ *Зеленская Г.М.* Указ соч.

¹⁹ *Комаровская А.В.* В.А. Комаровский (1883–1937) – иконописец XX столетия // Златоуст. 1993. № 2.

²⁰ *Зеленская Г.М.* Указ. соч.

²¹ Архив ФСБ. Дело № 31986 по обвинению Комаровского Владимира Алексеевича. Заинвентаризировано в 1941 г. Сдано в архив за № 45271.

²² Там же.

²³ Там же.

Статья опубликована: Московский журнал. 1997. № 12. С. 33–40.

Позднее этот материал вошел в книгу: *Смирнова Т.В.* «... под покров Преподобного». Очерки о некоторых известных семьях, живших в Сергиевом Посаде в 1920-е годы. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 2007 и 2008.

Воспоминания Антонины Владимировны Комаровской опубликованы: *Олсуфьев Ю.А., граф.* Икона в музейном фонде: исследования и реставрация. Антология. /

Сост. Стрижев А.Н. М., 2006. Воспоминания о С.П. Мансурове опубликованы: *Самарины. Мансуровы.* Воспоминания родных. М., 2001. Сборник «Троице-Сергиева

**лавра» 1919 года переиздан: М., 2007. Об арестах 1928 г. в Сергиевом Посаде см.:
Просим освободить из тюремного заключения. Письма в защиту репрессированных.
/ Сост. В. Гончаров, В. Нехотин. М., 1998.**